

ЕВГЕНИЙ КИСИН:

Я мог бы стать журналистом

Пианист Евгений КИСИН — редкий гость в России. Однако нынешний сезон оказался исключительным по количеству его концертов в Москве. В декабре минувшего года он выступил на Декабрьских вечерах с шопеновской программой и дал концерт из произведений Шопена, Шумана и Брамса в Большом зале консерватории. Сейчас он приехал вновь на празднование 10-летия премии "Триумф",

лауреатом которой стал в 1996 году, и вновь выступит в Большом зале консерватории 3 февраля на юбилейном триумфовском фестивале (организатор концерта — артистическое агентство "Краутерконцерт"). Накануне своего визита в Москву Евгений Кисин согласился дать интервью нашей газете, что называется, "напрямую из Лондона".

— След за Москвой вы начнете европейское турне в поддержку своих новых альбомов. Где вы будете играть?

— Я планирую свои концерты на 2-3 года вперед, а записи — всего на несколько месяцев, так что турне, несмотря на программу, отчасти повторяющую ту, что я записал, нельзя назвать "в поддержку альбомов". Кроме того, в течение моих европейских гастролей я буду менять первое отделение. Кое-где сы-

граю то же, что и в Москве, а где-то программа будет состоять из Пяти прелюдий ор. 15 и Третьей сонаты Скрябина, "Жаворонка" Глинки — Балакирева и балакиревского "Исламея" плюс "Картинки с выставки" — одним словом, чисто русский репертуар. А турне пройдет по Португалии, Испании, Греции, Франции, Италии, Великобритании, Ирландии и завершится концертом в Лондоне.

(Окончание на 10-й стр.).

ЕВГЕНИЙ КИСИН:

Я мог бы стать журналистом

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

— Сколько концертов вам доводится играть в год?

— Доводится — это не то слово. Сколько — зависит только от меня. Недавно я подсчитывал: где-то между сорока и сорока пятью.

— Многие музыканты высокого ранга играют порой и по 150 концертов в сезон. При таком режиме мало остается времени на осмысление себя в этом мире. Вы, я так понимаю, очень серьезно относитесь к наличию свободного времени между выступлениями?

— Далеко не всех музыкантов, которые дают по 150 концертов в год, можно обвинить в несерьезности. Среди них есть такие люди, как Ростропович и Ашкенази, и, честно говоря, я им завидую — завидую тому, что они могут играть так много. Ведь я сам очень люблю играть концерты. Но слишком часто выступать у меня не получается. Даже играть сольные концерты с перерывом меньше, чем в два дня, для меня невыносимо. Я несколько раз пробовал это сделать и убедился, что не могу.

— Очень большой эмоциональный расход?

— Да, именно эмоциональный: в физическом плане я практически не устаю. Конечно, с оркестровыми концертами дело обстоит иначе. Существует практика давать 3-4 таких выступления подряд в одних и тех же городах. Это я выдерживаю нормально, поскольку занят только в одном отделении.

— Есть ли у вас любимые коллеги среди дирижеров?

— Ну, конечно! Я очень люблю работать с Джеймсом Левайном, Владимиром Ашкенази, Зубином Метой, Сейджи Озавой, Юрием Темиркановым, с Владимиром Спиваковым.

— Со Спиваковым вы часто играете? Владимир Теодорович не приглашал вас выступить на его московском фестивале?

— А у него свой фестиваль в Москве? Нет, не приглашал. А последний раз мы выступали вместе года полтора назад. Но раньше играли очень много с "Виртуозами Москвы", и это было замечательно.

— Российская публика совсем не знает вас со стороны камерного музицирования. Есть ли у вас записи камерных сочинений и кто ваши партнеры?

— Я очень люблю играть камерную музыку, но делаю это не так часто, как хотелось бы. В моем репертуаре десятка два камерных сочинений, если не больше. А записей пока нет, за исключением прокофьевской увертюры на еврейские темы, в которой фортепианная партия, к сожалению, весьма скудная. В основном я играю камерную музыку на фестивале в прелестной швейцарской горной деревушке Вербье.

Она расположена на высоте 1600 метров над уровнем моря в двух часах езды на машине от Женевы. С 94-го года там проходит замечательный фестиваль, куда приезжают великие музыканты. В прошлом году я, например, играл там дуэтный концерт с Мартой Аргерих: мы исполнили сонату Моцарта, "Облака" и "Празднества" Дебюсси в обработке

Е.Кисин

Равеля, "Скарамуша" Мийо, Вариации на тему Паганини Лютославского. Играл я там и с Мишей Майским, и с Юрием Башметом, и в фортепианном дуэте с Джеймсом Левайном. Был один совершенно незабываемый вечер, когда мы с Наталией Гутман и ныне покойным Исааком Стерном играли трио.

— В одном из интервью вы сказали, что ваше исполнение с возрастом не стало кардинально иным. А как же жизненный опыт, разве он не отражается на понимании музыки? Ведь в юности невозможно прочувствовать, осознать какие-то вещи в искусстве, во всяком случае, в той мере, в какой они видятся потом.

— Правильно, и все же я подчеркиваю: мое исполнение не стало кардинально иным. Другое дело, что оно постоянно меняется. Но я не могу сказать, что с возрастом начал играть принципиально по-другому: мой стиль не изменился.

— Для вас выступать в России — большая ответственность?

— Еще бы! Выступая в России, я действительно больше волнуюсь, чем где-либо еще. Потому что в России меня люди знают с 11-летнего возраста, и до 20 лет все эти люди следили за мной постоянно...

— А затем наступил момент, когда они просто не могли за вами следить, потому что вы отсюда уехали. Когда после этого вы дали здесь свой первый концерт, пришлось ли вам доказывать, что талант вундеркинда со временем не исчезает, что он продолжает развиваться?

— В 20 лет это должно быть уже ясно, а поскольку до 20 лет я все-таки в Москве жил и постоянно выступал, думаю, что это доказывать не было необходимости. Тут, наверное, дело уже не в переходе от возраста

вундеркинда к взрослости: музыкант, как и представитель любого другого искусства, может остановиться в своем развитии в любом возрасте. Примеры такие есть. Конечно, когда выходишь на сцену, не надо никому ничего доказывать. Надо просто добросовестно работать и думать только о музыке.

— То главное, что вы хотите донести до публики на каждом своем выступлении, — это...

— Это не что-то конкретное. Я просто хочу поделиться со своими слушателями музыкой, которую я люблю. Меня довольно часто спрашивают, кем бы я стал, если бы не был музыкантом. Думаю, что я захотел бы стать гидом или журналистом, потому что представители этих профессий тоже делятся с другими тем, что они любят, тем, что им интересно, что их волнует.

— Вы когда-то сказали, что последний композитор, музыку которого вы исполняете, — Мессиан. Все, что было после него, уже вторично по своей сути для вас?

— Нет, Мессиан я как раз не исполнял, но правда в том, что он является композитором уровня великих классиков прошлого. Кстати, он умер относительно недавно. А музыку, создающуюся в наши дни, я действительно не играю, но не из предубеждения: просто пока не встречал ничего, что привлекло бы меня.

Многие люди присылают мне свои сочинения, но среди их композиций нет по-настоящему достойных. Меня даже поражает, неужели они сами этого не понимают? Я как-то получил письмо от одного молодого человека из Бразилии, к которому были приложены его произведения. В письме он пишет: "Надеюсь, что вы будете пропагандировать мою музыку, так же, как Артур Рубинштейн пропагандировал Вилла-Лобоса, и

меня признают одним из величайших композиторов XXI века". Вдова Артура Рубинштейна, к сожалению недавно скончавшаяся, прожившая с Рубинштейном почти полвека, очень высоко отзывалась о моей игре, да и некоторые другие люди, прекрасно его знавшие, — тоже, но я никогда бы не осмелился себя с ним сравнивать. Неужели этот парень не видит разницы между музыкой Вилла-Лобоса и своей? У меня, честно говоря, был соблазн написать ему нечто вроде: будьте поскромнее, сэр. Но потом решил, что не стоит.

— А Шнитке, Губайдулина... Их творчество вас не волнует?

— Я не могу сказать, что очень хорошо знаком с их творчеством. Что касается Шнитке, мне кажется, что он, безусловно, выделялся среди своих современников, но все его произведения, которые я слышал, хотя они и талантливы, все-таки не такого высокого уровня, как музыка Прокофьева и Шостаковича. Хотя, может быть, некоторые его вещи, которых я, к сожалению, еще не слышал, достойны такого сравнения. Не знаю.

— Вы живете и в Америке, и в Англии, эти страны принципиально разные по культуре. А где вы чувствуете себя дома?

— В полном смысле этого слова, пожалуй, нигде. Но и там, и там я чувствую себя достаточно комфортно и уютно.

— А в России? Вас не мучает тяга к родным местам, пресловутая ностальгия?

— В России я бываю редко. Конечно, когда приезжаю, меня охватывает ностальгическое чувство, я как будто встречаюсь со своим детством, отрочеством, ранней юностью.

— Бываете здесь редко, а российское гражданство не сменили...

— Нет. Если в России не случится ничего ужасного, не дай Бог, конечно, от гражданства я отказываться не собираюсь.

— Вам случалось сталкиваться с бестактностью репортеров?

— В России — да. Вы знаете, я всегда отдыхаю перед концертом, и, когда я готовился к выступлению на Декабрьских вечерах, в номере раздался звонок. Какая-то дама настаивала на 15-минутном интервью в день концерта. Я ей объяснил, что это невозможно, что я отдыхаю, а в ответ услышал примерно следующее: "Дайте интервью настырной журналистке, которой никто никогда в жизни не отказывал! Не сегодня, так завтра!". На Западе за все 10 лет мне с таким еще не приходилось встречаться.

— У каждого исполнителя бывают удачи и неудачи. Есть ли для вас какая-то граница в концертной практике, которую вне зависимости от вашего состояния вы не позволяете себе нарушать никогда?

— Понимаете, я всегда стараюсь создать себе эмоциональный подъем. И это происходит до того, как я выхожу на сцену. Даже если в день концерта у меня не возникает естественного желания играть, я не могу себе позволить выйти на сцену неподготовленным.

— Я знаю, что в России вы играете только благотворительные концерты. Кто-нибудь из российских импресарио обращался к вам с предложением организовать ваш концерт здесь, чтобы вы получили за него ваш полноценный гонорар?

— Это не благотворительные концерты в пользу кого-либо, я просто не беру за них гонорар, поскольку понимаю, что многие слушатели не могут себе позволить заплатить большую цену за билеты. Я не считаю возможным делать деньги в России. Если бы мне предложили здесь большой гонорар, я не думаю, что принял бы это предложение: у меня возникло бы сомнение в том, насколько чистые эти деньги.

— Премия "Триумф" — важная награда для вас?

— Ну конечно! Каким выдающимся людям ее присуждали и присуждают! И кто ее присуждает, какое жюри! Я помню, как на церемонии вручения премии в Бетховенском зале Большого театра выступали Аксенов, Вознесенский — какая потрясающая была атмосфера в зале. Это, конечно, незабываемо. Когда я вернулся в Америку, показал видеозапись этой церемонии одному из друзей нашей семьи, эмигрировавшему из России еще в 70-е годы. У него была забавная реакция: "Надо же, как приятно! Интеллигентные лица!" Конечно, я очень рад приехать на 10-летие: "Триумф" — это прекрасная идея, и мне очень хочется, чтобы эта премия существовала как можно дольше.

Беседу вела
Анна ВЕТХОВА

Фото
Виктора АХЛОМОВА